

В. А. Колпаков

Экономическая теория в поисках новой парадигмы

Экономическое знание на современном этапе социального развития, особенно в посткоммунистических странах, выдвинулось в число лидирующих научных дисциплин, оставляя позади себя таких лидеров прошлых столетий, как история (XIX век), социология (первые две трети XX века), политология (вторая половина XX века). Причину этого надо искать в реальной социальной практике, в доминировании экономического сектора — сектора свободной рыночной экономики — над всеми сферами жизни общества.

ПЕРЕХОД К РЫНКУ

И НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ СТРАН

Экономические теории в основном направлены на поиск адекватных социальным задачам экономических практик. Однако

экономисты сами все чаще говорят о серьезном кризисе оснований своей науки и ведут интенсивные поиски новой экономической парадигмы для такой сложной реальности, как глобальный рынок, включающий огромное многообразие национальных экономик.

В западном обществе применение экономических теорий на практике было «смягчено» социальной политикой двухпартийных или многопартийных государств, направленной попеременно то на решение задач экономической эффективности (либерализм), то на решение задач социальной справедливости (социал-демократия). Экономический монизм в теории и реформирование экономики на основе «единственно правильной теории» в странах посткоммунистического развития привели к перенапряжению социальных систем и показали, что причины этого кроются в неадекватном учете экономиче-

ской теорией культурных, социальных и национальных особенностей.

Отход от идей Дж. Кейнса о необходимости государственного регулирования экономики кризисных эпох и от идеи регулирования, присущей социалистическим экономическим воззрениям, привел к мысли о том, что невидимая рука рынка создает экономическую машину, которая решает и социальные, и политические, и культурные задачи. Как отмечает известный экономист Дж. Бьюкенен, ничто не должно останавливать такой подход — ни голод, ни нужда, ибо именно экономическая машина свободного рынка — единственное, что способно их устранить. Вместе с тем последствия применения либеральной модели к посткоммунистическим странам и странам третьего мира показали ее явные и скрытые ограничения. На 18-м Всемирном философском конгрессе в Стамбуле (2003 г.) профессор Чикагского университета философ И. Мэрион Янг в специальном докладе привела серьезные аргументы в подтверждение тезиса о кризисе современной либеральной модели экономики. В частности, либеральная концепция оказалась не способной учесть не только социально-культурную специфику в экономических мотивациях, но также и наличие таких сфер общества, которые не могут стать целиком рыночными.

Особое напряжение лидерство либеральной экономической доктрины вызывает в дисциплинарном строении науки. По мнению И. Валлерстайна, само разделение наук на экономику, политологию и социологию является следствием господства либерального проекта, предполагающим анализ, при котором науки, изучающие разные сферы — экономическую, государственно-политическую и социальную, разделены на мало связанные между собой дисциплины. На сегодняшний день такое разделение наук уже не является адекватным реальному взаимодействию как выделенных сфер, так и парадигм научных дисциплин¹.

Важно отметить, что в России ситуация перехода к рынку и соответственно обраще-

ние к новым теориям экономического развития «наложились» на прежнее доминирование как марксистских экономических теорий, так и марксизма в целом, в котором с формальной точки зрения экономической детерминизм играл существенную роль. Приход нового типа экономического детерминизма — неolibеральных экономических теорий — лишь переворачивал марксистские формулы, не производя рефлексивного отношения ни к экономической жизни, ни к экономическим теориям, не создавая способов верификации как экономических научных представлений, так и экономической реальности. Поиск новых экономических концепций осуществлялся в условиях отсутствия самокритичности со стороны практиков. Но сами эти концепции смогли появиться не только благодаря социальному контексту, не только за счет внутренних импульсов самой экономики, но и в силу изменения представлений, формируемых в философии науки. В современной философии науки обосновываются взгляды о невозможности монополии на истину, о плюрализме теоретических подходов, о возможности эквивалентных научных описаний одной и той же реальности. Философия науки все более отказывается от экстраполяции однажды найденных закономерностей. Вместо этого вводится принцип нелинейности, возможность точек бифуркации в развитии науки. Да и сама социальная реальность, как ее все чаще рассматривает экономика, уподобляется «динамичному хаосу».

В развитии экономического знания можно выделить переходы от классического состояния экономики к неклассическому и постнеклассическому ее состояниям. В современной постнеклассической экономической теории вообще пересматривается соотношение теории, экономической реальности и социальной практики. Например, известный экономист В. Леонтьев в «Экономическом эссе» высказал мысль об экономике «как обыденной науке», показателем эффективности которой является реальное улучшение жизни людей. Уже в самом построении эко-

номической математической модели следует учитывать, считает В. Леонтьев, что экономика имеет дело с явлениями повседневного опыта. Такой подход позволяет расширить эмпирическую базу теоретических построений. Выведенные из обыденного опыта зависимости получают на этапе теоретического исследования новые интерпретации, и вместе с тем открываются новые зависимости. И только после этого начинается наиболее сложный этап — доказательство возможности применения этой теории для прогнозирования процессов в реальной экономике.

Упомянутая В. Леонтьевым трактовка экономики как обыденной науки, а точнее — науки, укорененной в повседневности, плодотворна для объяснения различий в функционировании реальной экономики и более широкой сфере хозяйственной деятельности. Первая является эмпирией для экономической теории в классическом смысле, в то время как вторая может служить областью приложения идей «экономики как повседневной науки».

Большой интерес для философско-методологического анализа представляет также опыт реформирования «социалистических» экономик, ориентированный на неолиберальные экономические модели. Так, российский экономист Н. Шмелев, яркий сторонник либеральной теории, вынужден был признать, характеризуя неудачи посткоммунистического реформирования, что «экономическая машина» не была построена, поскольку не было адекватных ей производительных усилий снизу, не было ростков либеральной экономики, адекватных западному опыту.

Т. Шанин, В. Радаев и другие ученые в работе «Неформальная экономика»² показали, что в результате рыночных ожиданий в России на начальных этапах перехода к рыночной экономике сложилась неформальная, «эксплоярная» экономика, находящаяся вне полюсов как государственного, так и рыночного регулирования — серая, кланово-сегментированная, преимущественно торговая квазирыночная экономика.

Итак, можно утверждать следующее:

1) экономическая наука находится в кризисном состоянии. Это заставляет ученых интенсифицировать поиски новой парадигмы экономического знания. Отсюда огромный интерес экономистов к эпистемологическому анализу научного знания и философско-научным подходам к реконструкции развития экономики;

2) изменения в экономическом знании происходят на фоне ослабления либерального подхода в экономике, все больше осознаваемой контекстуальной взаимосвязи экономических объяснений и реальной экономической политики;

3) развитие современного экономического знания характеризуется не только усилением взаимодействия экономики и социальной сферы, междисциплинарных связей экономической науки, но вместе с тем учитываются и общенаучный контекст, и контекст, создаваемый философией науки, в частности в современном неклассическом ее варианте;

4) возрастает значимость повседневности в понимании задач экономической науки и повседневного экономического знания и экономической мотивации.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНАЛИЗА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Экономическое знание рассматривается, прежде всего, в его наиболее развитой форме — в форме различных экономических теорий. Экономические теории являются разновидностью социально-гуманитарных теорий. Экономические теории по форме представления знаний эволюционировали в самых различных направлениях. Сегодня это и формально-математические модели, не имеющие эмпирических референтов, и своеобразная экономическая эссеистика, и множество других промежуточных типов и форм. Тем не менее в последнее время именно экономика претендует на право быть лидером наук об обществе.

Однако философско-гносеологический анализ направлен не только на выявление

структурно-функциональных особенностей экономических теорий, а прежде всего на демонстрацию утверждения о том, что экономика (economics) может быть понята только как результат сложного взаимодействия между социокультурными, научными и философскими контекстами. Экономическая теория с момента своего возникновения несет в своих структурах не только черты определенной экономической реальности, но, как и любое достаточно развитое знание, она нагружена смыслами из сферы философских представлений о человеческом познании, принципами и общими представлениями об онтологической реальности из других наук, а также из общекультурного контекста. Эти представления, с одной стороны, выступают как «предпосылочное» знание, лежащее в метафизическом основании моделей о человеке и социуме, относительно которых собственно строит свои конструкции теория. С другой стороны, динамика сложного взаимодействия между экономической теорией и окружающими ее смысловыми полями остается до сих пор не проясненной. Фокус нашего анализа направлен в основном не на саму экономическую теорию, а на выявление указанных контекстов и прояснение сложной диалектики их взаимоотношений. Непрерывное обновление, развитие и появление новых экономических теорий является результатом непрерывного процесса переноса смыслов от одного смыслового поля к другому.

Рассмотрим в качестве иллюстрации вышесказанного контексты, в которых зарождалась классическая экономическая наука. Социальные изменения в Англии XVII–XVIII вв. привели к массовому появлению «пауперов», прежде добропорядочных земледельцев, а ныне городских нищих. Квакеры (протестанты) были первыми, кто осознал, что причины массовой нищеты лежат в системе организации наемного труда. Известный в то время проповедник-квакер Лоусон в 1660 г. предложил на основе религиозного принципа «взаимопомощи», практикуемого среди квакеров, устранить безра-

ботицу, создав организацию наподобие биржи труда. Необходимость объяснить пауперизм стала вызовом для социального знания. Новая наука — политическая экономия — приняла этот вызов и предложила свою стратегию борьбы с бедностью.

Философским фоном новой науки были развиваемые Гоббсом и Юмом идеи о некоем универсальном начале, действующем в обществе, наподобие ньютоновой силы притяжения. Страх, по Гоббсу, выступал такой ментальной силой, движущей пружиной человеческих поступков. Но самым мощным контекстом, воздействующим на становление наук об обществе, были идеи физики и ньютоновой механики. Принцип натурализма возобладали в представлении на общество. И уже в построениях Д. Рикардо экономика становится социальной механикой, общество — механистическим конгломератом «эгоистических индивидов», а плодovitость человека, плодородие почв и плодovitость животных рассматриваются как подчиненные действию одного и того же естественного закона.

Таким образом, новая наука — политическая экономия — зарождалась в исторический момент принципиальных социальных сдвигов, происходивших на фоне вполне определенных религиозных, культурных, философских и общенаучных традиций. Формировавшееся знание, от экономических воззрений А. Смита до Д. Рикардо, явилось результатом наложения на экономическую практику различных представлений об обществе и человеке, которые надолго стали метафизическим основанием модели «экономического человека» и его взаимоотношения со структурами государства и власти.

ОСНОВНЫЕ ПАРАДИГМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Обсуждение достоинств и недостатков современных эпистемологических концепций наиболее плодотворно, когда оно опирается на анализ конкретного познавательного материала как в науке, так и за ее пределами. Сегодня экономическая наука

предоставляет благодатное поле приложения эпистемологических идей, а также их сравнительной оценки.

Дело в том, что теоретики-экономисты (в особенности на Западе) демонстрируют редкий пример любви к философии и методологии науки. До середины XX в. интерес экономистов к анализу самого познавательного экономического отношения к изучаемой ими реальности носил спорадический характер. Сегодня же экономические исследования все больше становятся областью конкретного приложения идей философии науки, своего рода прикладной эпистемологией. Показательна в этом смысле состоявшаяся в 1989 г. конференция по применению философии науки И. Лакатоса и К. Поппера в экономике³.

Повышенный интерес экономистов к философии науки продиктован многими причинами, может быть, главной среди которых является осознание теоретического бессилия перед социальным вызовом — решить наконец насущные экономические проблемы общества. Ряд экономистов называет такое состояние своей теории «плачевным»⁴, другие в полный голос говорят о кризисе. Мы знаем, что кризис в науке сопровождается появлением конкурирующих научно-исследовательских программ. В экономической теории сегодня реально существует несколько таких конкурирующих программ⁵. Каждая из них основана на определенном представлении о субъекте экономической деятельности, или по-другому, исходит из определенной модели экономического человека. В самом общем виде можно сказать, что сегодня напряжение между классической моделью «экономического человека» и институционалистской моделью хозяйствующего индивида достигло своего апогея⁶.

Мировоззренческий конфликт моделей проявился в теоретическом противостоянии. Обострились противоречия между теориями «мейнстрима», исходящими из неоклассической модели «экономического человека», и группой институционалистских теорий, основанных на представлении об экономи-

ческом агенте, чье поведение во многом определяется социальными институтами. В надежде преодолеть кризис и раскол среди ученого сообщества экономисты обращаются к философии науки. Можно при этом отметить, что для ученых лидирующего «мейнстрима» эпистемология служит в основном для построения «методологии защиты» от обвинений в абстрактности, нереалистичности теоретических допущений и в эмпирическом нигилизме.

Из весьма разнообразного арсенала эпистемологии неоклассическая ортодоксия берет на вооружение в основном методологию фальсификационизма К. Поппера. Примером тому — работа М. Фридмена «Методология позитивной экономической науки», о которой М. Блауг высказался так: «Фридмен — это просто модификация Поппера применительно к экономической теории»⁷.

«Мейнстриму» противостоят экономисты так называемого институционалистского направления. Они подвергают критике не метод, а содержательную сторону теорий «мейнстрима», и в этом принципиальное отличие в использовании философии науки институционалистами. Поэтому они не могут ограничиться критикой и должны формулировать собственные метафизические допущения и общие принципы, чтобы затем приступить к построению частных теорий и гипотез. Например, Д. Ходжсон уже в начале своей работы формулирует методологические принципы, которые кладутся им в основу институционалистской парадигмы. Среди них принцип системности и эволюционного развития систем. Но самое главное, что им убедительно обосновывается необходимость особого взгляда на социальную онтологию, который должен быть положен в метафизический базис новой парадигмы.

Что же это такое — «экономический человек» неоклассической теории? Это, прежде всего, отдельный индивид, экономический агент, через поведение которого объясняются все происходящее в обществе. Общество минимально регулирует жизнь экономического человека, в основном оно призвано

обеспечить свободу его проявления, в частности, в экономической жизни — свободу конкуренции. В методологическом плане это допущение приводит к принципу «методологического индивидуализма», который звучит так: своди макроэкономические проблемы к их решению на микроуровне.

«Экономический человек» наделяется способностью действовать рационально, когда он максимизирует нечто. Обычно он максимизирует какую-нибудь выгоду, например денежную, или просто получение удовольствия. Интеллектуальные способности этого индивида оцениваются достаточно высоко; так, предполагается, что для принятия решений он почти мгновенно получает необходимую ему информацию и адекватно оценивает ее. В плане построения теории эти допущения приводят к важным гипотезам о том, что деятельность «экономического человека» рациональна (гипотеза рациональности) и что ему свойственно действовать, всегда максимизируя нечто (гипотеза максимизации). Принцип методологического индивидуализма вместе с гипотезой рациональности и гипотезой максимизации составляют жесткое ядро научно-исследовательской программы теорий «мейнстрима». Основная критика неоклассических теорий направлена именно против этих основоположений.

То, что происходило дальше с выработанными в экономической науке смыслами и концепциями, хорошо описывает современная эпистемология: эти смыслы стали экстраполироваться во внешнюю для сообщества экономистов среду, каковой была система социокультурных представлений самого общества⁸. Экономическая теория и сегодня продолжает поставлять выработанные внутри сообщества экономистов смыслы-видения, касающиеся восприятия социумом своего собственного тела, собственной социальной реальности. Многие современные мифы ведут свое происхождение от идеи «экономического человека». Часть из них стала частью идеологии общества, символом веры многих практиков социальных

переустройств. Поэтому иногда складывается впечатление, что критика теорий, базирующихся на идее экономического человека, должна быть перенесена из области теоретических дискуссий в область широкого публичного обсуждения, так как критикуемые теории служат формальным основанием для различных идеологий.

В современной экономической теории происходит своеобразная революция, смена парадигм⁹. Суть революции институционалистов в том, что они открыли общество, а вместе с этим пришло понимание экономической значимости внутренней организации любой хозяйствующей единицы. Реализм во взглядах на хозяйствующего субъекта постепенно стал теснить номинализм. Самыми значимыми фигурами, повлиявшими на становление институционалистских идей, были К. Маркс и Т. Веблен. С тех пор экономическая наука продолжает открывать общество и социальные институты, цементирующие его в единое целое.

На деле же само общество в лице законодателей заявило о себе в полный голос в 70-х годах XIX века целой системой протекционистских мер против ничем не регулируемого рынка, который проповедали экономисты-основатели в качестве лекарства против социальных недугов. Провозглашенный рыночниками естественный порядок вещей был нарушен принятием мер, ограничивающих права рынка, когда общество ясно осознало себя поглощаемым системой рыночных отношений¹⁰. Сегодня стало естественным, что запретам и ограничениям подвергается практически вся система хозяйственной деятельности. Человек больше не предстает товарной фикцией в западной рыночной экономике, развитое трудовое законодательство, социальное страхование и система гарантий защищают его. Собственно говоря, государство принудило признать свои институты. А экономистам вслед за этим приходится строить теории, объясняющие экономический смысл взаимодействия правовой системы и хозяйственной системы общества¹¹.

Итак, неоклассическая модель не придает значения внутренней организации хозяйствующего индивида. Напротив, институционалистский подход можно обозначить как стремление видеть в каждом хозяйствующем агенте некоторое сложно организованное целое, на поведение которого влияет как внутренняя структура, так и институты внешней системы. Экономика рассматривается в неразрывной связи с множеством институтов самого различного типа, имеющих в обществе в целом¹². Экономическая система общества и социально-политические его структуры оказываются взаимодействующими и взаимозависимыми. Это взаимодействие носит сложный динамический характер, и материальная экономическая активность не всегда выступает в качестве основной. Пример перехода ряда стран восточного блока к новому для них типу экономических отношений показывает, что шел он скорее «сверху», чем был результатом давления на всю социально-политическую сферу со стороны рыночно ориентированной экономики. Результатом этого взаимодействия оказывается изменчивость и самих институтов, и соответственно хозяйствующих объектов. Это, конечно, затрудняет применение классического математического аппарата в экономике, так как институты не являются инвариантными во времени. Но зато достигается большой выигрыш в правдоподобии. Теперь экономическая теория включает в рассмотрение структурно-сложные объекты, зависимые от времени, места, политической системы, системы правовых отношений, от применения технологий и т. п.

Итак, институционалистское понимание социальной онтологии в корне отлично от агрегатно-механистического, лежащего в основании парадигмы «экономического человека». Современная экономическая реальность постиндустриального общества полностью меняет всю систему наших представлений о хозяйствующем человеке. В новом типе производства — производстве знаний *креативной корпорацией*¹³ — теперь уже сам человек предстает сложной системой, или «ин-

ституционализированным индивидом», по словам Т. Парсонса¹⁴. В прежнем экономическом мышлении человек был всегда объектом производства или потребления, в новом мышлении, адекватном экономике знаний¹⁵, хозяйствующий человек впервые выступает в новом качестве субъект-субъектных взаимоотношений. Творческая потенция, присутствующая в его ценностных структурах, стала основным внутренним двигателем человека, потеснив экономические мотивы в прошлое индустриальных эпох. Творческой личности свойственно стремление открыть себя миру других людей и обрести во вне себя признание другими людьми. В этом плане мотивы социального статуса становятся доминирующими в экономическом поведении. Таким образом, экономический человек, проделав сложную эволюцию вместе с эволюцией хозяйственной деятельности, в постиндустриальную эпоху снова обретает черты бесконечномерной целостности, тождественной целостности самого социума.

Итак, гомогенная социальная онтология, на которую опираются теории «мейнстрима», уступает место более сложному представлению об экономической реальности. Материально-экономическое основание социальной жизни предстает в институционалистской экономике открытой системой целостностей, взаимодействующих и с институтами общества, и с природным миром человека. Такую социальную онтологию можно уподобить динамическому хаосу, и это будет более глубокой и существенной характеристикой экономической реальности, чем механистические представления о ней¹⁶. Однако представление об экономической реальности как о динамичном хаосе еще пробивает себе дорогу, чтобы в будущем стать основанием для экономической парадигмы. Пока же можно говорить только о самых общих, качественных характеристиках поведения хаотических систем, к которым относится экономика постиндустриального общества с ее сложными современными технологиями. Прежде всего из применения

теории хаоса в физике видно, что сложные динамические ситуации создают не равновесие, анализу которого и посвящены теории «мейнстрима», а непредсказуемую хаотическую эволюцию. Соответственно и «разогрев» социальной вязкости информационными технологиями, и законодательная деятельность ради достижения равновесия на самом деле вынашивают в себе потенцию хаотического взрыва¹⁷, а не тенденцию к лучшему равновесному состоянию общества¹⁸.

Выводы из анализа экономического знания сводятся к следующему. Теоретическому осмыслению экономических основ социума соответствует модель не одной парадигмы (интуитивистской либо современного «мейнстрима»), а сразу нескольких теорий, находящихся в сложных отношениях друг с другом. Эволюционные трансформации экономического организма общества на каждом его качественно новом этапе *не уничтожают полностью все предыдущие формы хозяйствования*. Они часто продолжают жить, приспособляясь к новым условиям. Так, домашнее хозяйство семьи в современном обществе — институт, уходящий своими корнями в далекое архаическое прошлое. Индустриальная экономика уступает место сервисной, ее роль и влияние на социум уменьшается, тем не менее она остается жить в экономической реальности. В постиндустриальном обществе значимость и влияние сервисной и индустриальной экономики постепенно уменьшаются на фоне растущего значения экономики знаний. Но все эти экономики также продолжают жить в экономической ткани общества¹⁹. Это дает основание утверждать, что различные онтологические основания для научных парадигм могут существовать одновременно, дополняя друг друга. Тем самым, переходя от одной парадигмы к своеобразной матрице парадигм, мы используем более реалистическую модель развития научного знания о таких сложных объектах, какими являются экономические системы. Эта модель специально разрабатывается в современных неклассических вариантах эпистемологии и философии нау-

ки, значение которых мы и хотели продемонстрировать на материале экономического знания. При этом ведущими факторами смены парадигм являются социокультурные влияния и стремление ориентировать экономику на человека, не сводимого к экономическому.

¹ См.: Валлерстайн И. Конец либерализма. М., 2003.

² См.: Неформальная экономика : Россия и мир / под ред. Т. Шанина. М., 1999.

³ См.: De Marchi, Blaug M. (eds.) *Appraising Economic Theories*. Aldershot, Hants. 1991.

⁴ См.: Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты. М., 2003. С. 15.

⁵ См., например, указанную выше работу М. Блауга (с. 371).

⁶ В отечественной литературе обстоятельный анализ различных моделей человека в экономических теориях представлен в работах В. С. Автономова. См.: Автономов В. С. Человек в зеркале экономической теории. М., 1993.

⁷ Блауг М. *Методология экономической науки*. М., 2004. С. 145.

⁸ Разрабатываемая И. Т. Касавиным идея социального производства знания позволяет объяснять процессы такого рода как превращение коллективных верований ученых в коллективный миф всего общества. Абстрактно-механистический взгляд экономистов на рыночное общество быстро преодолел узко-профессиональные границы и стал укрепляться в обществе в виде новых традиций и норм. См.: Касавин И. Т. Миграция. Креативность. Текст. СПб., 1999. С. 181–201. Хорошей иллюстрацией процессов «финализации» экономического знания может служить явление «экономического империализма», получившее распространение во второй половине XX века. Его основатель Г. Беккер вполне уверен, что «экономический подход предлагает плодотворную унифицируемую схему для понимания всего человеческого поведения... Всеобъемлющим является именно экономический подход, хотя некоторые важные понятия и приемы анализа разрабатываются и будут

разрабатываться другими научными дисциплинами» (Беккер Г. http://www.rsuh.ru/article.html?id=2700#_ftn1). Как только экономический подход распространяется для объяснения всего человеческого поведения, то мы вслед за ученым вдруг неожиданно для себя обнаруживаем, что «люди решают посвятить себя научной или какой-либо другой интеллектуальной или творческой деятельности только тогда, когда они могут ожидать от этого выгод — как денежных, так и психологических» (там же) или, «что преступная деятельность — такая же профессия, которой люди посвящают полное или неполное рабочее время, как и столярное дело, инженерия или преподавание» (там же). На мой взгляд, весь «экономический империализм» является яркой иллюстрацией процессов «финализации» экономической наукой своего знания.

⁹ Вслед за Т. Куном парадигма ниже будет пониматься в самом широком «социологическом» смысле, т. е. «обозначать всю совокупность убеждений, ценностей, технических средств и т. д., которая характерна для членов данного общества». (См.: Кун Т. Структура научных революций. Дополнение 1969 г. М., 2003. С. 59.) По аналогии с естествознанием смена парадигм, которая происходит в современном экономическом знании, может быть уподоблена сдвигу парадигм, произошедшему в физике в начале XX века.

¹⁰ Карлу Поланьи принадлежит блестящий анализ взаимоотношения общества и рыночной экономики на ранних этапах ее становления. Он показывает, как тысячелетия рынки были встроены в систему социальных связей. Рыночная экономика, явление принципиально новое и сугубо европейское, организована на принципах саморегулирования и предполагает свободные рынки труда, земли и денег. Человек и природа отчуждаются в рыночной экономике, становятся товаром, собственной фикцией. Становление саморегулирующейся рыночной экономики происходило достаточно бурно, и за 70 лет Англия, а также другие страны Европы вдруг осознали, что теперь система социальных связей встроена, поглощена полностью рыночными отношениями. Про-

цесс активного регулирования экономической деятельности со стороны общества привел к новой форме взаимоотношений — взаимодействию двух систем. Все материальные технологии и процессы, происходящие в экономической среде, оказывают давление на институты общества и ведут в конечном счете к их трансформации и принятию адекватных социальных технологий. Обратный процесс также имеет место.

¹¹ Фундаментальная роль государства, его институтов, «социальной технологии», им проводимых, во всех процессах функционирования экономики, отмечается в очень многих современных работах. В отдельное перспективное направление выделилась та часть экономической теории, которая исследует влияние прав собственности на экономику. См.: Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты. М.: Дело, 2001; Furuboth E., Pejovich S. Property Rights and Economic Theory : A Survey of Recent Literature // The Journal of Economic Literature. 1972. №4 (December). P. 1137–1162.

¹² Институты можно определить, например, как существующие системы сложившихся и укоренившихся правил, традиций, норм, которые влияют на социальные взаимодействия и придают им структурный характер.

¹³ Понятие креативной корпорации в отечественной литературе ввел В. А. Иноземцев. «Ее деятельность организована уже не на основе решения большинства и даже не на основе консенсуса, а на базе внутренней согласованности ориентиров и стремлений. Впервые мотивы деятельности оказываются выше ее стимулов, а организация, базирующаяся на единстве мировоззрения и ценностных установок ее членов, становится наиболее гармоничной и динамичной формой производственного сообщества» (Иноземцев В. А. На рубеже эпох : Экономические тенденции и их неэкономические следствия. М., 2003. С. 162–163).

¹⁴ См.: Parsons T. On Institutions and Social Evolution. L., 1982. P. 328.

¹⁵ В начале 70-х годов Д. Белл и другие социологи отметили тенденцию превращения

экономики США из индустриальной в постиндустриальную: knowledge economies. Производство знания и информации на основе новых информационных технологий стало лидирующим экономическим фактором, посредством которого экономическая реальность США к концу XX века полностью преобразовалась в структуры постиндустриального общества. См.: Bell D. *Sociological Journeys. Essays 1960–1980*. L., 1980.

¹⁶ Хаос и пустота стали модными понятиями. Продвижение идеи хаоса во все без исключения науки, в том числе и социальные, — веяние времени. Но пока это больше похоже на раздачу необеспеченных кредитов, чем на получение дивидендов от поставленных на идею хаоса усилий. Сошлемся на мнение одного из создателей современной математической теории хаоса: «Количественные изучения хаоса в системе требуют количественного понимания динамики этой системы. Это понимание часто основано на хорошем знании основных уравнений эволюции, которые можно проинтегрировать с помощью компьютера. Такова ситуация в астрономии Солнца, гидродинамике и даже метеорологии. ...В биологии, а также в гуманитарных науках мы не знаем основных уравнений движения. Более того, во многих случаях (экология, экономика, социальные науки) основные уравнения эволюции, чем бы они ни были, медленно изменяются со

временем (система обучается). Для таких систем влияние хаоса остается в настоящее время на уровне скорее научной философии, нежели количественной науки» (Рюэль Д. *Случайность и хаос*. М., 2001. С. 78). Но одно утверждение на основании идеи динамического хаоса можно высказать с уверенностью: даже самые рационально выверенные решения для такой системы, какой является современная экономика общества, могут привести к самым непредсказуемым долгосрочным последствиям. В атмосферных явлениях, к примеру, даже взмах крыла бабочки в долгосрочной перспективе может вызвать тайфун.

¹⁷ В. А. Иноземцев в своих последних работах теоретически обосновывает, что экономика знаний является «потенциальным источником беспрецедентной дестабилизации» всей мировой экономики. См.: Иноземцев В. А. *На рубеже эпох*. С. 197.

¹⁸ О применении идеи хаоса в экономике см. в работе: Anderson P., Arrow K., Pines D. (eds.) *The Economy as an Evolving Complex System*. Redwood City, Calif., 1988.

¹⁹ Все формы хозяйственных структур, раз возникнув в общественной практике, продолжают жить в трансформированном виде. По словам Д. Белла, «постиндустриальное общество не может заменить индустриальное, и даже аграрное» (Bell D. *The Cultural Contradictions of Capitalism*. N. Y., 1978. P. 198).

Из хроники научной жизни

17 января 2008 г. В Московском доме ученых состоялась объединенная годовая сессия Международной академии наук (Русской секции) и Международной академии творчества. В сессии приняли участие работающие в МосГУ академик-секретарь Отделения гуманитарных исследований РС МАН Вал. А. Луков, академики МАН (IAS) Н. В. Захаров, А. И. Ковалева, Вл. А. Луков, Б. Г. Юдин, а также избранная членом-корреспондентом МАН В. А. Гневашева. На сессии бронзовый знак И. П. Павлова и грант-стипендия МАН для перспективных молодых ученых были вручены О. О. Намлинской, младшему научному сотруднику ИГИ МосГУ. Вал. А. Луков, Н. А. Захаров, Б. Г. Юдин встретились с президентом Международной академии наук Вальтером Кофлером (Австрия) и обсудили вопросы сотрудничества МАН и МосГУ (как базовой организации Отделения гуманитарных наук РС МАН) в 2008 году, в частности участия президента МАН и академиков МАН в V Международной научной конференции «Высшее образование для XXI века», которая состоится в МосГУ в ноябре этого года.